

«ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ». НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Андрей Шемякин
Институт славяноведения РАН

В публикации представлен обзор основных итогов реализации научного проекта «Человек на Балканах», который с начала нулевых координировали сотрудники Института славяноведения РАН А.Л. Шемякин и Р.П. Гришина (1930–2015). Это несколько переработанный специально для нашего издания заключительный раздел коллективной монографии «Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.» (2016). Главный вывод, к которому приходит ответственный редактор книги А.Л. Шемякин: за фасадом европейских новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они во многом определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит.

Ключевые слова: Балканы, идентичность, южнославянская государственность, традиционные общества.

В каждой последней книжке любого научного журнала редакция помещает список опубликованных в нем за год материалов. Так и мы, завершая восьмым по счету выпуском коллективную часть проекта «Человек на Балканах»*, хотели бы предложить вниманию читателя краткий очерк его истории, где перечисляются этапы исследования и подводятся некоторые итоги...

* * *

Проект стартовал в начале 2000-х годов, когда в рамках работы Комиссии историков России и Болгарии в Институте славяноведения РАН был подготовлен сборник статей «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века»¹. Он был посвящен в основном политическим вопросам, особенно актуальным в то время в связи с распадом Югославии и неустойчивым положением других балканских государств, которые после развала социалистической системы оказались на перепутье — без ясных целей, ориентиров и перспектив развития. Политические причины, лежавшие на поверхности, представлялись публицистам разных стран вполне очевидными и объявлялись ими достаточным обосновани-

* Проект «Человек на Балканах» состоит из двух частей. Первая, гораздо более объемная, представляет собой восемь коллективных трудов — семь сборников статей по результатам конференций и коллективную монографию. Вторая (меньшая) включает в себя индивидуальные работы координаторов проекта — Р.П. Гришиной и автора данных строк. И если Рита Петровна свое сочинение уже опубликовала (*Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности)*. М., 2008), то нам это только предстоит. Рабочее название предполагаемой книги: «Человек на Балканах. Очерки истории модернизации независимой Сербии (1878–1914)». С ее выходом наш проект (числом в десять позиций) можно будет считать окончательно завершенным.

¹ Человек на Балканах в эпоху

ем для объяснения произошедшего. Однако столь упрощенная схема удовлетворяла далеко не всех. Ученые Института славяноведения РАН хорошо понимали, что драматические события на Балканах — это следствие длительного исторического процесса. А потому им был настоятельно необходим комплексный подход к реконструкции прошлого балканских народов, изучение истоков стратегии политического поведения, которая в столь острой форме реализовалась в 1990-е годы.

В историографии существовало никем не оспариваемое утверждение, что страны региона, обретя независимость / самостоятельность в конце 1870-х гг., развивались затем как буржуазные государства. Но одна эта констатация не давала понимания того, почему, например, в Югославии процесс распада социалистической системы получил столь трагическое выражение, когда брат пошел с оружием на брата. Или — какими поведенческими традициями обуславливалась в 1990-е годы сравнительно спокойная (хотя и в разной степени) адаптация других балканских славян к новым реалиям, в том числе в рамках отношений «Восток – Запад». Время требовало углубиться в историю народов Балкан, по крайней мере, двух последних столетий, причем подойти к изучению ее на новой базе — в рамках социокультурного анализа, с привлечением данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии, — т. е. используя совсем новый для традиционного позитивистского дискурса исследовательский инструментарий.

Эти идеи нашли отражение в статьях названного сборника, причем их авторы пришли к ним вполне самостоятельно, что позволило выделить в труде ряд разделов: 1) идентичность и ментальность балканских народов, национальные идеалы, ценности и герои; 2) демографическая и конфессиональная ситуация на полуострове в XX в.; 3) Балканы — зона культурного пограничья, а также место столкновения интересов не только великих держав и блоков, но и государств самого региона друг с другом.

* * *

Изданный в 2002 г. сборник не остался единственным. Осознавая всю важность затронутых в нем проблем и необходимость новых подходов к изучению исторического прошлого народов Балкан в переломную эпоху их развития (1878–1918), Ритта Петровна Гришина предложила продолжить исследование, сконцентрировавшись на анализе социокультурного контекста, без чего трудно понять направление и вариации процесса государственного строительства в освободившихся странах региона. Следовало установить, насколько адекватно он взаимодействовал с устоявшимися в Европе культурно-политическими идеями и практиками. Тогда же (пока еще в общих чертах) и детализировался замысел расширенного проекта «Человек на Балканах». Его исследовательское ядро составили сотрудники Отдела истории славянских народов периода Мировых войн Института славяноведения РАН — доктора исторических наук Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин, а также кандидат исторических наук А.А. Силкин. Отметим, что название «Человек на Балканах» изначально было сугубо «частным», предложенным академиком Г.Г. Литавриным конкретно для первого сборника. Но оно показалось нам настолько точным по смыс-

кризисов и этнополитических столкновений XX века / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002.

лу и удачным по форме, что впоследствии стало центральной концептуальной линией нашего проекта, маркируя антропологический принцип как основу его методологии...

Следующим этапом исследования стала целенаправленная разработка темы «Балканские народы в процессе модернизации. XIX – первая половина XX в.», поддержанной грантом РГНФ. Главной задачей на этом этапе стало изучение особенностей модернизационных процессов в балканских странах — аграрных, с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в то время, когда на Западе идеология либерализма и доктрина государства-нации достигли расцвета. Другой аспект исследования был связан с попыткой обрисовать характерные проявления ментальности «балканского человека». Эта этнокультурная матрица не исчезает со временем, особенно в традиционных обществах или социумах с сохранением архаических социальных форм в поле многоукладности. Следует сказать, что изучение картины мира и общественного сознания балканских народов на переходном этапе в процессе модернизации, — было (и остается) фундаментальным научным направлением², соответственно и наш проект был отнесен к разряду приоритетных.

² См.: Огурцов 1994.

Решение этих задач потребовало привлечения к исследованию специалистов по смежным с историей дисциплинам — демографов, социологов, культурологов, филологов, политологов и др. Изучались теории модернизации западных (М. Вебер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт) и отечественных (В.Г. Федотова, В.И. Пантин) философов. Последовательно на специальных тематических конференциях были рассмотрены три главных показателя состояния общества в балканских странах ко времени приобретения ими собственной государственности — уровень экономического развития, особенности политического процесса, культурная специфика; а затем и первые модернизационные шаги в каждой из областей.

Основные результаты этого этапа исследования нашли отражение в серии изданий под общим титулом «Человек на Балканах»: «Синдром отягощенной наследственности»³, «Государство и его институты: гримасы политической модернизации»⁴, «Социокультурные измерения модернизации на Балканах»⁵.

³ Гришина 2004.

⁴ Гришина 2006.

⁵ Гришина 2007.

Каковы же результаты проведенных изысканий, которые можно считать наиболее значимыми?

Изучение механизма догоняющего рывка «из балканского мрака на европейский свет», по образному выражению сербского экономиста Бошко Миятовича, показало, что одним из факторов, тормозящих процесс подключения молодых балканских государств к общеевропейскому модернизационному процессу, явилось многофакторное влияние доставшихся от прошлого архаичных общественных моделей. Помимо общеизвестных обстоятельств (неполная социальная структура, отсутствие родовой аристократии, более чем 80-процентный крестьянский состав населения с его ориентацией на традиционные ценности, крайне слабая социальная мобильность, высокий уровень неграмотности и др.), было выявлено, что крестьянские представления, нормы жизни и этос поведения не только не ограничивались рамками одного, земледельческого, сословия, но и пронизывали все слои общества, включая правящую

элиту, интеллигенцию и военных, т. е. сохранялись в самой конструкции социальных связей и отношений. Они обладали такой силой воздействия, что и в XX в. большинство балканских лидеров строило государственную политику, исходя преимущественно из интересов мелкого земельного собственника, защищая и *сохраняя* его, поощряя в нем патриархальный дух, идеалы эгалитаризма и общинного коллективизма, что редко или совсем не совпадало со стратегией модернизационных реформ.

Анализ процесса модернизации, который более интенсивно происходил в политической сфере, позволил ученым поставить вопрос об *институциональной революции* в регионе и особенностях ее протекания. Представляется, что некоторые выводы, полученные исследователями, имеют значение как с точки зрения теории, так и практики. В частности, заключение о том, что в условиях неравномерности цивилизационного развития западноевропейского и балканского регионов, «скоростному» методу строительства государственно-политических институтов по образу и подобию Европы во втором из них (принятие либеральных конституций, введение широкого избирательного права, формирование парламента и системы политических партий) сопутствует появление, или сохранение в видоизмененной форме, нетипичных для устоявшихся европейских политсистем «подпольных» органов и организаций, в том числе вооруженных, к тому же действующих параллельно с легитимными структурами. Такой симбиоз легальных и нелегальных органов, их нерасчлененность, способствуют консервации изначально низкого уровня политической культуры местного населения и правящих кругов, ориентированных по большей части на разрешение конфликтов с позиции силы, а не на поиски компромисса.

Другой пример: политическая модернизация, проводимая сверху и не имеющая под собой достаточного социально-экономического основания, оборачивается простым заимствованием иностранной модели управления, чаще всего, западной. Скрывающиеся за фасадом «пересаженных» на неподготовленную почву новаций (номинально демократических конституций, институтов власти и пр.) устойчивые структуры и навыки традиционного общества препятствуют строительству современного государства, к чему стремятся местные элиты. Но создаваемый ими государственный остов длительное время является собой лишь «фанерную» имитацию избранного образца, повторяющую его форму и контуры, но не содержание, которое обеспечивало бы полноценное функционирование государства. Отсюда постоянные сбои из-за несоответствия фундамента и надстройки, в том числе в виде государственных переворотов, политических убийств и хронической нестабильности.

Возможно, более общее значение имеет и балканский опыт адаптации населения к изменявшимся условиям жизни, выразившийся, в частности, в появлении особого типа политического менталитета. Балканцы, с исторически привычными им формами общинности, родовой и семейной солидарности, соборности, локального патриотизма, в гораздо меньшей степени обладали опытом государственности и ощущением государственного единства, а именно его социологи считают определяющей чертой политического менталитета наций*. Недостаточность государственно-национального настроения, в свою очередь, пре-

* Когда весь политический процесс базируется на личностных (в рамках патриархальной локальной лояльности), а не на формальных (порождаемых индустриализацией и ускорением внутренних миграций) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу – родственникам, землякам и друзьям, – как того требовал древний *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская / государственная ответственность, закрепленная *законом*.

пятствует формированию чувства гражданской ответственности, причем на всех этажах общества, включая руководящие государственные структуры. А отсюда — недальновидность и запоздалая реакция на вызовы времени, и «недофункциональность» политических систем в целом, нечетко понимающих свою роль в организации политической жизни общества.

Наш опыт изучения «другой Европы» (Балканской) показал, что практика «вестернизации», так или иначе работающая на ранней стадии процесса, в дальнейшем становится непродуктивной и слишком перегружающей национальную идентичность. Наступает время выдвижения собственных для каждой страны национальных задач. Правильно — с учетом исторической перспективы — поставить такие задачи и мобилизовать общество на их решение становится испытанием для каждой страны.

И здесь едва ли не важнейшим для исследователя становится анализ социокультурной реальности — внимание к состоянию культуры, образования, прессы, театра, содержанию массовых зрелищ, т.е. всего того, что не только воспитывает, но и формирует цивилизацию.

Компонентом модернизации в этой сфере, как гласит теория, является создание новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм). В конечном счете, речь идет о трансформации ценностной и поведенческой модели, транслирующейся через средства социализации, о появлении «экономического человека» — рационалистически действующего индивида, перед которым человек традиционного типа отстает. Некоторые ученые, раздвигая привычные рамки дихотомии «модернизация – индустриализация», анализируют проблему в другом ракурсе и видят результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, сколько гражданского общества.

Рассмотренный нами на такой основе балканский опыт показывает, что времени для «переваривания» крестьянской ментальности требуется гораздо больше, чем история отвела балканцам. Но в отдельных сферах культуры процесс шел даже весьма интенсивно. И важно отметить, что воздействие социально-культурных новшеств, так или иначе функционирующих на различных уровнях — от деклараций и лозунгов до имитации или формального воспроизведения институтов, — заметно и на бессознательном уровне, тем самым способствуя переменам ментальности социума. При этом на конкретных примерах удалось показать определенную зависимость социокультурных позиций *Homo balcanicus* от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров европейской цивилизации.

Так, например, сербская столица Белград, напрямую граничившая с Европой через Саву, представляла собой островок культуры и модерности (процент грамотных жителей и количество газет; открытие в 1905 г. Университета, в числе студентов которого было даже 14 девиц, и наличие как европейски образованной бюрократии, так и отдельных, там же признанных, ученых) в море не желавшей отступать патриархальности. И факт обучения 14 студенток не должен вводить в заблуждение, заслоняя главное, — остальные женщины были практически исключены из сферы образования*; общий же его уровень в

* В начале XX в. только 9 % замужних женщин в Сербии могли написать свое имя и фамилию.

Сербии оставался катастрофически низким. Влияние столицы на окружающий руральный мир, таким образом, было минимальным — сербский селяк буквально «в штыхы» воспринимал город и городскую культуру.

Касательно же сферы образования во всем регионе, авторы проекта обнаружили явное несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них (что может служить аргументом в пользу признания резкой нестыковки между формой и содержанием, или если точнее: «фанерным» фасадом и *действительным* «интерьером»). Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой жизни, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание — умение читать, писать и пр., — в патриархальном сельском мире оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и *универсальный* — т. е. характерный для всякого традиционного общества, феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности». Добавим лишь, что, например, в Болгарии, в силу ряда причин, он проявлялся в меньшей степени⁶ ...

* * *

Новым этапом изучения процесса модернизации на Балканах стало исследование темы «Власть и общество на Балканах: модель взаимодействия в процессе модернизации. Середина XIX – начало XX в.», реализованная при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН⁷. Ее целью было исследовать специфику формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью. Выявленные ранее балканские «отклонения» от «магистрального» западноевропейского пути, в результате проведенного исследования, дополнились заключением о том, что парламентская деятельность в странах полуострова предшествовала становлению в них гражданского общества, в то время как в Европе аналогичная трансформация совершалась кардинально противоположным образом. Следовательно, «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но иначе и быть не могло: на Балканах, сохранявших аграрно-патриархальный характер, практически отсутствовал средний класс — основа формирующегося гражданского общества.

Обоснованный нами таким образом подход к проблеме позволяет объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах функционируют совершенно по-разному. Как таковой (т. е. значительно отходящий от простого «институционального» и активно привлекающий новое социокультурное знание), он заставляет не только пересмотреть прежние объяснительные схемы, но и полностью опровергнуть незыблемость комплекса «чистых», «объективных» позитивистских методов — привычных и точных, но не всегда достаточных, что доказывает несомненную перспективность столь же эффективных, сколь и модных ныне междисциплинарных методов.

Для изучения вопроса о том, каким образом в балканских обществах, где гражданский контроль над верхами был минимальным, осуществлялся национальный консенсус, было решено привлечь дополнительный источник, а именно: записки внешних наблюдателей — путешественников-иностранцев. Ито-

⁶ Подробнее объяснение этому см.: Шемякин 2016, 4–15.

⁷ Результаты работы по проекту были обобщены в сборнике статей: Гришина 2009.

гом стал сборник статей специалистов различных дисциплин «Человек на Балканах глазами русских»⁸. С помощью имагологического метода оказалось возможным прояснить вопрос о национальных константах культуры балканских народов, изучить варианты их социальных практик, представления о себе и других. Отмечалось различие подходов русских авторов — представителей православной страны, типологически близкой к большинству балканцев по ценностным и социокультурным характеристикам, и носителей западной культуры, которым присуща своего рода «презумпция цивилизационного превосходства»⁹.

Не случайно, к примеру, известный русский славист и путешественник П.А. Ровинский, как русский человек, воспринимал Сербию и сербов как *своих*: «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас. Там вы чувствуете себя между своими, хотя и при другой обстановке»¹⁰. Понятно поэтому, что, описывая эту страну и народ, он не мог не сопоставлять все виденное с Россией. И, надо сказать, что выстроенные им сопоставительные ряды весьма органичны, поскольку «мерка, по которой я оцениваю сербский народ, служит та самая, которую я применяю к России»¹¹. Подобная органичность была чужда западному восприятию, в основе которого, как уже говорилось, лежал стереотип о собственной супериорности, чему соответствовало очевидное неравенство в подходах, т. е. две противоположные «мерки», характерные для всякого *этноцентризма*: одна — для себя, другая — для «туземцев». Оно и понятно, ведь любой западный автор «ни на минуту не может забыть о том громадном расстоянии, которое находится между ним, человеком высшей цивилизации, и полуварварским сербом...»¹².

* * *

Общий вывод, полученный нами путем реконструкции политических и социокультурных реалий на Балканах во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. (что стало возможным в том числе благодаря использованию нового комплекса источников), можно свести к следующему: *за фасадом европейских новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они во многом определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит*. Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран), освобождению от сковывающих мысль умозрительных представлений и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.

Помимо этого нам удалось установить еще два важных соотношения. Одно из них касается роли лидера в обществе, которая у балканских народов (и, по-видимому, вообще у народов, сохранявших традиционные навыки правления) была значительно более весома, чем в развитых гражданских обществах Запада с уже устоявшейся парламентской системой и в основном решенным национальным вопросом; балканские элиты формировались из «людей из народа». Другое связано со спо-

⁸ Гришина, Шемякин 2011.

⁹ Гордон 1996, 45.

¹⁰ Ровинский 1877, 187.

¹¹ Цит. по: Котлярская, Фрейденберг 1989, 72.

¹² Ровинский 1868, 379.

собами установления национального консенсуса в таких странах, как балканские, где это происходило либо на основе союзов с традиционной властью, либо на основе национальной внешнеполитической программы.

Последним вопросам — т. е. национальному, и военным средствам его решения — при разработке проекта было уделено особое внимание. Прежде всего, критическому анализу был подвергнут пришедший из балканской практики в историографию тезис, будто одним из условий успеха модернизации является завершение национального объединения страны. Путем реконструкции балканских реалий первого десятилетия XX в. и детального рассмотрения отношения к войне в таких странах, как Сербия и Болгария, мы получили «разновеликие» ответы. Это стало возможно благодаря тому, что, отбросив довлеющее влияние постулата о схожести культурно-политического архетипа *Homo Balkanicus*, удалось обнаружить: несмотря на такую «схожесть», устремление к войне проявлялось в каждой стране по-своему, в том числе и в прямо противоположных формах.

В конечном итоге, должно признать — большинством балканских элит война действительно мыслилась как средство достижения «национального идеала» и как первостепенное и ближайшее дело. Сербия и Черногория, к примеру, были готовы начать действовать в любой благоприятный момент, разногласий в обществе по этому поводу не наблюдалось. В Болгарии же, когда в 1912 г. война уже стучалась в дверь, общество оставалось расколотым: часть его протестовала против возможной войны, ссылаясь на желательность продолжать экономический восход страны и на возможность в будущем осуществить национальный идеал мирным, дипломатическим путем. Но антивоенные протесты были пассивными и неорганизованными, наглядной модернизационной программы и ее конкретных выгод болгарские гражданские деятели не выработали, и предъявить им было нечего, чем и воспользовалась военная партия¹³.

Представления о недорешенности национального вопроса (хотя она существовала объективно) выводили на политическую арену балканских стран руководство армии и нелегальных патриотических организаций, способствовали быстрой милитаризации полуострова. Происходила переориентация с решения внутренних задач на внешнеполитические, что сопровождалось отвлечением средств и общественного внимания от модернизационных проблем. Приближавшиеся Балканские войны и стали очередной проверкой — встал вопрос о выборе пути на исторической развилке. Анализу результатов военного выбора посвящен 7-й сборник нашей серии¹⁴.

Итак, именно война мыслилась большинством балканских элит средством реализации «национального идеала», основанного, в условиях стойкости стереотипов традиционного мышления, как правило, на исторических мифах. Решение национального вопроса принимало в сознании немалого числа балканских политиков часто фантастические формы и было связано со стремлением восстановить границы средневековых держав — речь шла о моделях «великих государств», вождения о которых перехлестывали границы соседей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Южные славяне победят турок, но побьются между собой», — пророчески писал еще в

¹³ См.: Гришина, Шемякин 2012; Гришина, Шемякин 2013.

¹⁴ Гришина, Шемякин 2012а.

1868 г. П.А. Ровинский А.Н. Пыпину¹⁵. Балканские войны — увы! — блестяще подтвердили точность данного «прогноза».

Завершает проект «Человек на Балканах» коллективная монография «Особенности „новой“ южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.»¹⁶. С одной стороны, она воплотила попытку обобщения накопленного материала, причем в сравнительном ключе, давшем возможность наглядно показать, что было общим и что различалось в ходе «пересадки» европейских идей, институтов и практик на балканскую почву элитами южнославянских православных народов. С другой же, — ключевой ее задачей избран анализ социально-политической дилеммы, имманентно присущей характеру сербской, болгарской и черногорской государственности (и серьезно ее искажившей в сравнении с европейскими «канонами»): «национальный идеал и / или гражданское общество», порожденной в свою очередь недорешенностью проблемы «освобождения и объединения».

Так, Болгария («анклавная» и инкорпорированная в экономическое пространство Османской империи) имела все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации, т. е. снизу — ментальные предпосылки для этого в народе складывались. Militarистские настроения в ней подогревались *сверху* (монарх, военная верхушка, часть «национально-фрустрированной» интеллигенции) и *сбоку* (македонцы и «македонствующие»), что могло означать лишь одно — в начале XX в. страна подошла к судьбоносной развилке: «война или модернизация?», сделав в итоге выбор, приведший к двум «национальным катастрофам» — 1913 и 1918 гг.¹⁷.

Перед Сербией и Черногорией такой альтернативы не было: в отличие от Болгарии, воинственный настрой там «санкционировался» *снизу* — многовековые конфликты с турками (производные от окраинного / пограничного положения в составе Османской империи) привели к формированию у сербов и черногорцев стойкого конфронтационного сознания, во многом определившего их дальнейшую историческую судьбу. Кроме того, идеологически оно мощно подпитывалось «Косовским мифом» и растущей из поколения в поколение жаждой мести за катастрофу 1389 г., вследствие чего «героическое» начало закладывалось в поведенческий код населения с молодых ногтей. Поэтому жизнь в Сербии и Черногории строилась по принципу «передышка между войнами». Здесь или воевали, или готовились к схватке за «национальный идеал», ибо считалось, что «сербская проблема должна быть разрешена силой»¹⁸. И, следовательно, крылатое: «Война — мать родна!», это оттуда. Такой «подход» вступал в противоречие с задачей формирования в Сербии и Черногории «гражданского общества», придавая процессу их модернизации неорганичный и однобокий характер.

Данное различие базовых мотиваций (с одной стороны, почти искусственный, спровоцированный *извне*, перевод массового сознания болгар на военные рельсы, а с другой — восприятие войны дождавшимися своего часа сербами и черногорцами, как праздника¹⁹) и проявилось со всей наглядностью в ходе Балканских войн 1912–1913 гг.

Методологической основой нашего подхода к исследованию стал антропологически ориентированный принцип: в дан-

¹⁵ П.А. Ровинский – А.Н. Пыпину. Белград, 20 апреля / 2 мая 1868 г. см.: Шемякин 2014, 56.

¹⁶ Шемякин 2016.

¹⁷ См.: Гришина, Шемякин 2014.

¹⁸ Цит. по: Наумовић 2015, 694.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Шемякин 2011, 41–42.

ном случае — изучение «агентов» или движителей модернизации, с одной стороны, и консерваторов, сопротивляющихся переменам, активно или пассивно, с другой, т. е. внимание к *Homo Balkanicus* в разных его качествах и проявлениях. Это было основанием для объединения всей последовательности изданий под серийным наименованием «Человек на Балканах». Важное место в коллективных исследованиях занял и метод реконструкции образов, характеров и представлений — как коллективных, создающих в совокупности обобщенный или идеальный портрет наций и народов, так и индивидуальных — воплощенных в образцово-героических или трагически-мученических изображениях различных деятелей эпохи как носителей типичных ее черт.

Более того, из серии сборников о «модернизации» выделилось новое направление, своего рода «ответвление» проекта «Человек на Балканах», — в 2009 г. при непосредственном содействии участников его первоначального состава свет увидела книга «Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе»²⁰, заложившая основы нового серийного исследования «До и после Версаля».

Вместе с тем, коллектив активно применял и *сравнительный* метод исследования, и это также оказалось плодотворным в условиях, когда, повторимся, в науке подчас слишком абсолютизируется схожесть культурно-политического архетипа «Человека с Балкан»²¹. Полезным оказалось и сопоставление балканских реалий не только с западноевропейскими образцами, но и с модернизационными процессами в странах Восточной и Средней Европы, а также России...

Костяк группы исследователей всего жизненного устройства балканских государств в Новое и Новейшее время составили, как уже говорилось, сотрудники Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. За более чем 10-летний срок вокруг них сложилась большая группа исследователей, заинтересовавшихся предложенной проблематикой. Наряду с коллегами из Института славяноведения, причем не только историков, в проекте приняли участие представители Института всеобщей истории РАН (Ар. А. Улунян), Института этнологии и антропологии РАН (Р.Н. Игнатъев), МГУ им. М.В. Ломоносова (Л.В. Кузьмичева, В.Б. Хлебникова), МГИМО (У) — Я.В. Вишняков, РУДН им. П. Лумумбы (Г.И. Шевцова). Кроме них следует упомянуть М.В. Белова (Нижний Новгород), Ю.П. Аншакова (Самара), Д.О. Лабаури (Екатеринбург), Е.В. Яковкину (Ставрополь), а также коллег из ближнего и дальнего зарубежья — Д.В. Миколенко (Украина), Л. Перович, М. Йованович, А. Тимофеев, А. Раствович, А. Животич (Сербия), М. Куманов, Св. Елдаров (Болгария), Ф. Соломон (Румыния).

И в заключение следует отметить, что результаты исследований в рамках указанной серии трудов, посвященных различным аспектам «модернизации по-балкански», привлекли внимание зарубежных коллег. Наряду с весьма обильным «оперативным» цитированием, «Человеку на Балканах» нашлось место и в обобщающих публикациях сербских ученых о зарубежной (российской) историографии истории Сербии (Югославии)²².

²⁰ Шемякин 2009.

²¹ Сравнительный метод, как наиболее плодотворный при региональных исследованиях, использовался координаторами проекта и вне его — в совместных авторских работах. См. примечание 13, а также: Гришина, Шемякин 2014а; Гришина, Шемякин 2014.

²² См.: Timofejev 2006; Ković 2011.

Библиография / References

- Гордон А.В. (1996) *Новое время как тип цивилизации*. М.
- Гришина Р.П. (2004) *Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)* Гришина Р.П. (ред.). СПб.
- Гришина Р.П. (2006) *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.)* Гришина Р.П. (ред.). СПб.
- Гришина Р.П. (2007) *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)* Гришина Р.П. (ред.). СПб.
- Гришина Р.П. (2009) *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)* Гришина Р.П. (ред.). СПб, 2009.
- Гришина, Шемякин (2011) *Человек на Балканах глазами русских* Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (ред.). СПб.
- Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (2012) Война — мать родна? *Родина* 11: 5–7;
- Гришина, Шемякин (2012а): *Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)* Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (ред.). М.
- Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (2013) Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия. *Новая и новейшая история* 4: 115–132.
- Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (2014) Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX вв. Приоритеты развития. *Etudes Balkaniques*. Sofia 1: 41–80.
- Гришина Р.П., Шемякин А.Л. (2014а) Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития. *Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012*. М.: 2–64.
- Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. (1989) *Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский в Черногории*. Калинин.
- Наумовић С. (2015) Јован Цвијић. Срби 1903–1914. *Историја идеја* Ковић М. (приред.). Београд.
- Огурцов А.П. (1994) Трудности анализа ментальности. *Вопросы философии* 1.
- Ровинский П.А. (1868) Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний). *Вестник Европы* 11.
- Ровинский П.А. (1877) Наши отношения к сербам (поучение из прошлого и настоящего). *Древняя и новая Россия* I (2).
- Шемякин А.Л. (2009) *До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе* Шемякин А.Л. (ред.). М.
- Шемякин А.Л. (2011) Сербия в начале XX в. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории*. М.
- Шемякин А.Л. (2014) *Русские о Сербии и сербах 2* (архивные свидетельства) Шемякин А.Л. (сост.). М., 2014.
- Шемякин А.Л. (2016) *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.* Шемякин А.Л. (ред.). М.
- Ković M. (2011) Saznanje ili namera: savremena svetska historiografija o Srbima u XIX veku. *Sociologija*. LIII: 402–416.
- Timofejev A. (2006) Savremena ruska historiografija o Srbiji. *Tokovi istorije* 3: 200–213.

"MAN IN THE BALKANS". RESEARCH PROJECT OF THE INSTITUTE OF
SLAVIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Andrey Shemiakin

Institute of Slavic Studies of the RAS

The paper represents the most important results of the research project “Man in the Balkans” which was organized and coordinated since the early 2000s by specialists of the Institute of Slavic Studies of the RAS *A.L. Shemiakin* and *R.P. Grishina* (1930–2015). In order to show the results for our readers the author reworked the final part of the collective monograph “Man in the Balkans. Specifics of the ‘new’ South Slavic nationhood: Bulgaria, Serbia, Monte Negro and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, 1878–1920”. So, the main conclusion he made as the book’s editor-in-chief is that behind the ‘fazade’ of some European innovations (recognized as typical features of the liberal-bourgeois statehood) there were still stable some structures and skills of traditional societies. These structures determined in many ways life style and behavior not only for simple peasants but also for the most of Balkan elites..

Keywords: Balkans, identity, South Slavic nationhood, traditional societies.